

точную дату — 15 сентября 1656 года. Дальше показания „Жития“ и документов расходятся. И отписка и челобитная стараются придать поступку Аввакума смысл заговора против общественного порядка, предстать его смутьяном, который хочет „в вашей государевой Даурской службе в полку моем учинить смуту“. Они обвиняют его в том, что он в своей „подметной памяти“ писал, что „езде в начальных людех, во всех чинех нет никакия правды“, и другие „многия непристойныя свои воровские речи“ говорил „почасту“.

Отписка расценивает его письмо как подстрекательство служилых людей „на то, чтобы они вам, государем, изменили... и были б не под вашим государевым указом“, и сравнивает Аввакума с казаками Мишкой Сорокиным и Филькой Полетаевым, устроившими восстание в Верхоленском остроге и на Байкале. В отписке называются три соучастника Аввакума, которые „для ево воровсково умыслу и заводу учели было приставать“. Это — Филька Помельцов, Микифорко Свешников и Ивашко Тельной с товарищи. В челобитной служилых людей, составленной более кратко, о восстаниях на Байкале и Верхоленске и о соучастниках Аввакума не упоминается.

Отписка и челобитная сообщают, что, когда протопопа били кнутом на козле, он обращался к стоящим тут служилым людям со словами: „Братцы казаки, не подайте!“, и добавляет: „бутось он, вор, на них, служилых людей, в том своем воровстве надежен“. В челобитной к этому прибавлено: „Бутось, государи, мы те ево воровские письма ведаем“. После этого в челобитной идет заверение в верности государю и похвалы по адресу Пашкова. В обоих документах письмо Аввакума называется „глухою безымянною“ „памятью“, указывается, что оно „по сыску объявилось“ и требуется предать Аввакума „смертные казни“.

Отписка и челобитная написаны одной рукой. Больше двадцати подписей на челобитной („руку приложил“) сделаны в общем тремя-четырьмя почерками. Показательно и то, что, посылая к царю отписку и челобитную, воевода не приложил к ним в качестве доказательства „подметное письмо“, как полагалось бы сделать в таком важном случае, а ограничился собственными показаниями и показаниями подчиненных стрельцов. И это заставляет нас осторожно отнестись к сообщениям Пашкова. Весьма вероятно, что, проявив горячность в отношении Аввакума и учитывая возможные последствия, Пашков и сочинил оба документа, чтобы оправдать свои действия.

Не исключена, однако, возможность, что Аввакум в разговорах с казаками действительно открыто и резко порицал „начальных людей“ за принятие никоновых нововведений и за произвол, который они творили в Сибири, пользуясь полной бесконтрольностью своих поступков. Но эти обличения его не выходили из рамок евангельских проповедей и не носили характера социального протеста, как это пытается приписать ему Афанасий Пашков. Во всяком случае оба эти документа, отписка и челобитная, дополняют показания Аввакума, и в этом их ценность. Кроме того, они подтверждают факт наказания протопопа кнутом, известный ранее только с его слов, и сообщают интересные сведения об отряде Пашкова и о положении в Даурии. Они важны и потому, что еще раз подтверждают большую ценность „Жития“ Аввакума как исторического источника. Если показания Аввакума и Афанасия Пашкова здесь не сходятся, то вина в этом не протопопа, а воеводы, который придумал факты, а Аввакум лишь не все передал, но не исказил фактов.